

УДК 821.161.1

Т.В. ПАНИЧ

ДРЕВНЕРУССКИЕ ДУХОВНЫЕ ЗАВЕЩАНИЯ XV–XVII вв. В АГИОГРАФИЧЕСКОМ ПОВЕСТВОВАНИИ*

д-р филол. наук,
Институт истории СО РАН, Новосибирск
e-mail: istochnik_history@mail.ru

Статья посвящена проблеме функционирования жанра древнерусского духовного завещания в сочинениях агиографического характера. Анализируются особенности завещаний, определяется их значение и роль в агиографическом повествовании. В качестве материала исследования привлечены духовные завещания известных церковных иерархов XIV–XVII вв., присоединенные к их жизнеописаниям.

Ключевые слова: духовные завещания, церковные иерархи, агиографические тексты.

Жанр духовного завещания, одной из особенностей которого является разнообразие его типов, имел длительную традицию в древнерусской литературе. В рукописях встречаются разные самоназвания текстов, относящихся к данному жанру: «духовное завещание», «духовная грамота», «прощальная грамота», «духовная», «завет», «заветное писание». Духовное завещание часто совмещало в себе документальное и литературное содержание¹. Наряду с деловой частью (имущественными и хозяйственными распоряжениями) текст включал и литературную составляющую: это могли быть эмоционально окрашенные размышления философской направленности о жизни и смерти, бренности земного бытия; рассуждения завещателя на морально-нравственные темы; наказания и заветы близким духовного характера. При этом составители завещаний обращались к агиографической топики, библейским мотивам и образам, святоотеческим сочинениям. Отдельные тексты завещательного жанра включали автобиографические сведения. Благодаря этим аспектам духовное завещание оказывало свое влияние на другие жанры древнерусской литературы, на развитие автобиографического повествования².

Среди всего разнообразия завещаний особый интерес представляют духовные завещания (духовные грамоты) церковных деятелей. Согласно классификации Ф. Лиленфельда, они составляют группу «духовных грамот митрополитов» [5, с. 80–98] или, по определению, предложенному Н.В. Поньрко (на наш взгляд, более точному), – «духовных завещаний цер-

ковных иерархов» [4, с. 380]. Н.В. Поньрко включила в этот ряд духовные завещания русских патриархов и старообрядческих духовных наставников [4, с. 380]³. Кроме того, она выделила в структуре таких завещаний традиционные элементы: «исповедание веры» и «просьбу о прощении собственных согрешений с одновременным разрешением и прощением грехов своей паствы» [4, с. 381].

Духовные завещания церковных иерархов отличаются публицистическим характером, являются общественно значимыми по своему содержанию и целевой направленности, так как обращены к широкой аудитории. Эти тексты содержат заветы, касающиеся актуальных проблем церковной и общественной жизни, нравственные сентенции и призывы к хранению православной веры, исполнению евангельских заповедей и норм христианской этики. В них традиционно находит отражение исповедальная тема, звучат мотивы прощания, покаяния и прощения, смерти и посмертной участи человека⁴ – мотивы и темы, определяемые нравственной обязанностью церковного пастыря перед кончиной позаботиться о своих духовных чадах. Таким образом, в завещаниях церковных иерархов особо выражен дидактический аспект, что роднит их с жанром поучений.

Известны случаи, когда духовные завещания подобного типа включались в жизнеописания их авторов, становясь неотъемлемой частью композиционной

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 11-01-00350а.

¹ О взаимоотношении литературы и документа в жанре духовного завещания см.: [1, с. 3–31; 2].

² Наиболее заметным это влияние становится в XVII в. [3, с. 23–24; 4, с. 379–387].

³ Как показало исследование Н.С. Гурьяновой, данный тип древнерусского духовного завещания использовался и получил развитие в Выговской пустыни в XVIII–XIX вв. [6, с. 181–195].

⁴ Следует отметить, что религиозно-нравственная тематика присуща жанру монашеского завещания в широком значении, включая завещания монастырских игуменов и иноков. Таковы, например, духовные завещания игумена Иосифо-Волоколамского монастыря Евфимия Туркова [7, с. 342–356] и иеромонаха Чудова монастыря Евфимия [8, с. 171–179].

структуры агиографического текста и выполняя в нем определенную функцию.

Рассмотрим несколько таких духовных завещаний иерархов Русской церкви, которые были написаны в XV–XVII вв. и присоединены позднее к их житиям или к жанрово близким им текстам агиографического характера, посвященным данным церковным деятелям. Это завещания митрополитов Киприана (ок. 1330–1406 гг.), Фотия (ум. 1431 г.), Макария (1481–1563 гг.) и патриарха Иоакима (1621–1690 гг.).

Самое раннее из них по времени написания – Духовное завещание («Прощальная грамота») митрополита Киприана. Оно было присоединено к «Сказанию вкратце о премудромъ Киприанѣ, митрополите Киевскомъ и всея Руси»⁵, которое представляет собой краткое жизнеописание святителя. Автор «Сказания» пишет о том, что митрополит Киприан «за четыре же дни преже преставления своего написа грамоту нѣкаку чюдну прашальную» и повелел прочесть ее «въслухъ людемъ» над его гробом [9, с. 108–109]. Здесь же лаконично передано и ее содержание. После сообщения о смерти митрополита и о чтении при погребении его «Прощальной грамоты» автор вводит в повествование и сам ее текст с помощью связки: «Бяше же таковая грамота писана сице» [9, с. 109].

Следует отметить, что сочинение невелико по объему и лаконично по своему содержанию, в нем также слабо выражено литературное начало, стиль отличается простотой, редко встречаются образные выражения, отражающие эмоциональное состояние завещателя или его оценочные характеристики. Например: «болѣзнем на мя умножившимся нынѣ, яко же иногда, никогда же ничто же ми возвещающе ино, разве смерть»; «боголюбивым епископам»; «благородному и христолюбивому о святем Дусе возлюбленному сыну моему князю» [9, с. 109–110]. В конце грамоты содержится замечание о том, что она осталась без подписи митрополита из-за его тяжелого состояния («а не подписахъ немощи ради своея» [9, с. 111]).

После «Прощальной грамоты» имеется еще одна текстовая скрепа: «По концы же таковыя грамоты приписано философски» [9, с. 111]. Фраза предваряет небольшой ритмизованный текст⁶, который содержит элегические размышления о смерти, быстротечности и призрачности земного бытия, как бы развивая заданную, но не развернутую Завещанием митрополита Киприана тему. В самом конце агиографического комплекса сделана приписка, логически завершающая все повествование. В ней говорится о том, что со времени митрополита Киприана по образцу его «Прощальной грамоты» создавались духовные завещания последующих предстоятелей Русской Церкви, и установилась традиция их чтения при погребении: «По отшествии же сего митрополита и прочии митро-

политы русти и донынѣ преписавоуще сию грамоту, повелевають въ преставлении своемъ во гробъ вкладоуещеся, тако же прочитати въ услышание всѣмъ» [9, с. 112].

Таким образом, составитель данного агиографического комплекса с помощью небольших текстов-скреп вписал в контекст жизнеописания митрополита Киприана его «Прощальную грамоту» – документ, в котором зафиксировано прощальное слово святителя, выражена его последняя воля. В итоге получилось цельное, логически выстроенное повествование. Здесь, как и в других подобных случаях, использован традиционный принцип «ансамблевого» строения текста, когда первоначальный текст дополняется новыми сочинениями близкой тематики, которые могли быть написаны в разное время и разными авторами [11, с. 51–52].

Эту традицию продолжает «Сказание о Фотии, митрополите Киевскомъ и всея Руси», включающее его Духовное завещание⁷. Между «Сказанием», повествующим о жизни и кончине Фотия, и его Завещанием сделана вставка, связывающая оба текста. В ней сообщается о написании Завещания: «И во дни тья преже преставления своего написа слово воспоминательно о житии своемъ, и прощая всѣхъ и благословляя, и сам прося прощения отъ всѣхъ, и завѣща съблюдати, яже написа в чину завѣта, сице глаголя» [9, с. 163]. Как видим, Завещание представлено здесь как воспоминание о жизни, т.е. в нем предполагается наличие автобиографических сведений. Действительно, вступительная часть текста представляет собой краткое описание завещателем собственной жизни. Эту часть сочинения отличает особый, литературно украшенный стиль: повествование насыщено традиционными мотивами и образами. Здесь широко используются экспрессивные обороты речи, риторические восклицания и образные сравнения. Размышления Фотия о встреченных им на жизненном пути «скорбях», «печалях» и «лютых напастях» пронизаны скорбными нотами, постоянно звучит тема слез («рыдая и плача и сетуя», «в колика рыдания и слезы впадохъ», «исчезоша очи мои отъ слезъ» и т.д.).

Надо отметить, что по своему содержанию «Сказание» и Завещание (главным образом, его вступительная часть) перекликаются между собой: в «Сказании» описаны некоторые эпизоды и факты из жизни митрополита Фотия, упомянутые им самим в Завещании. Например: о духовном влиянии на него старца Акакия, с которым Фотий провел долгое время; о рукоположении его константинопольским патриархом Матфеем на Киевскую митрополию «и на всю Русь»; об увиденном им в заустении, «гладе» и «море» в русских землях из-за междоусобных браней и нашествия «агарян». Наряду с указанной выше вставкой, соединяющей «Сказание» и Духовное завещание в единый комплекс, подобные фактические и тематические переклички между ними

⁵ Нами используется текст, включенный в Степенную книгу [9, с. 108–112].

⁶ Исследование данного поэтического сочинения см.: [10, с. 123–150].

⁷ Нами используется текст, входящий в Степенную книгу [9, с. 163–169].

обеспечивают последовательность и целостность агиографического повествования.

Если завещания митрополитов Киприана и Фотия присоединены к их кратким жизнеописаниям, то Духовное завещание Митрополита Макария – к сочинению о его смерти – «Сказанию о последних днях митрополита Макария»⁸ («О немощи и о преставлении и погребении Макария, митрополита всеа Руси»⁹). По своему содержанию и стилистике «Сказание» представляют собой повествование агиографического типа, относится к тем сочинениям, которые предшествуют житию святого, являются первичным материалом для него [13, с. 221]. В «Сказании» подробно излагается хроника болезни и смерти митрополита Макария. Ориентируясь на агиографическую модель, используя житийные мотивы и образы (чудесное откровение о скорой кончине, предсмертные видения и др.), автор описывает уход митрополита как благочестивую кончину святого – один из традиционных элементов стандартной житийной композиционной структуры. В конце «Сказания» сообщается о том, что государь при погребении митрополита Макария «повеле прощение его чести зело чудно вслух всем протодиакону велегласно»¹⁰.

Затем приводится сам текст Духовного завещания. В нем по традиции излагается исповедание веры, митрополит просит у всех прощения и сам прощает и благословляет своих духовных чад, начиная от царя Ивана Васильевича и до простых мирян. Завещание содержит и биографические сведения, касающиеся церковной карьеры Макария. Он сам говорит о постигшей его «скорби от великого пожару» (имеется в виду Московский пожар 1547 г.), о своем желании отречься от архиерейского сана и уйти в монастырь «на молчальное житие» (тема отражена и в «Сказании»: здесь говорится о том, что митрополит Макарий неоднократно просил царя Ивана Васильевича отпустить его на «молчальное житие» в Пафнутьев монастырь).

После Завещания следует небольшой текст, который содержит сведения о дате смерти и месте погребения Макария и завершает повествование, связывая отдельные его части в единую композиционную структуру.

Традиция использования духовного завещания в агиографическом повествовании сохраняется и в XVII в. Это можно видеть на примере Духовного завещания (Духовной грамоты) патриарха Иоакима¹¹, которое было написано в марте 1690 г. за несколько дней до

его кончины и позднее включено в состав его Жития¹². Завещание идейно и тематически тесно сопряжено с другими текстами Жития. Оно логически продолжает вторую его часть – Послание архимандрита Новоспасского монастыря Игнатия (Римского-Корсакова) на имя Афанасия Холмогорского. Игнатий был свидетелем последних дней жизни патриарха и описал в Послании его кончину с помощью традиционных изобразительных средств из арсенала агиографической топики [19, с. 121–127]. Он также рассказал об обстоятельствах создания Завещания, кратко представил его содержание и отметил важные, с его точки зрения, идеи сочинения. Таким образом, автор предварил включение Завещания в агиографический комплекс, упомянув о нем в том месте Послания, где говорится о приготовлении патриарха к смерти, что обеспечило последовательность изложения и логическую связь между текстами.

По своей структуре и содержанию Духовное завещание патриарха Иоакима являет собой пример поздних сочинений завещательного жанра и имеет свои особенности по сравнению с рассмотренными выше завещаниями церковных иерархов. Его проблематика отличается большей широтой, более подробно разрабатываются традиционные для завещаний такого рода темы. Сочинение представляет собой развернутую идеологическую программу общественной и церковной жизни православного государства, базирующуюся на религиозно-нравственных постулатах христианства. Патриарх проявляет заботу не только о судьбе Церкви, но и о «целости» и «лепоте» Русского государства, устройстве войска и др. Немалое место в Завещании отведено и теме борьбы с иноконфессиональным влиянием, а также обозначена позиция патриарха по отношению к новациям в области иконографии. Однако в целом Духовное завещание патриарха Иоакима продолжает традиции духовных завещаний церковных иерархов, созданных в XV–XVI вв.

Итак, даже беглый анализ привлеченных нами духовных завещаний позволяет увидеть, что все они заметно отличаются друг от друга по объему, каждое из них имеет свою специфику, выделяется своеобразием стиля и содержания, в разной степени в них выражено литературное начало (особенно ярко оно проявилось в Завещании митрополита Фотия). Однако эти тексты включают традиционные для композиционной структуры духовного завещания церковных иерархов компоненты: исповедание веры, прощение и благословение оставляемой паствы. Их объединяет также и наличие этикетных мотивов и тем: покаяния, бренности земного бытия, смерти и Страшного суда; использование образов, цитат и парафраз из Священного Писания. Тексты содержат экспрессивные обороты речи, восклицания, риторические вопросы и другие стилистические средства, призванные оказать эмоциональное воздействие на читателей и слушателей. В каждом из завещаний также содержатся элементы автобиографии, прослежи-

⁸ Об этом памятнике см.: [12, с. 385–386].

⁹ Цит. по рукописи конца XVIII – начала XIX в.: РГБ, собрание МДА, ф. 173.1, № 377, л. 1. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.stsl.ru/manuscripts/medium.php?col=5&manuscript=377&pagefile=377-0004> (дата обращения: 26.02.2010).

¹⁰ РГБ, собр. МДА, ф. 173.1, № 377, л. 20.

¹¹ Оригинал Завещания сохранился в рукописи: ГИМ, Синодальное собрание, № 422, л. 18–30. Текст издан по этой рукописи, см.: [14, с. 11–139]; новое издание см.: [15, с. 207–227].

¹² О Житии патриарха Иоакима см.: [16, с. 351–355; 17, с. 41–94; 18, с. 50–53].

ваются мотивы житийной топики. Например, митрополит Фотий говорит о себе: «отрекохся прелестнаго и суетнаго жития мирскаго», «желах умрътвиться миру и разлучитися жития сего прелестнаго» [9, с. 163–164] (отрицание мирского образа жизни, бегство от мира, крайний аскетизм – этикетные черты, характеризующие поведение агиографического героя). В Завещании патриарха Иоакима также встречаются клише житийного канона («благочестивые родители», «благочестивое воспитание»). Подобные детали добавляют новые штрихи к агиографическому образу завещателей, полнее раскрывают систему их воззрений и ценностных установок. Благодаря наличию элементов автобиографии, агиографических мотивов и образов, которые сближали завещание с житийным текстом, оно органично встраивалось в структуру агиографического сочинения в качестве одной из составных частей, усложняя композицию и содержание произведения.

Такое композиционное размещение завещания и сама возможность его включения в контекст агиографического повествования были обусловлены и спецификой самого житийного текста, который часто выстраивался по типу «ансамбля» за счет присоединения новых сочинений, связанных с именем святого. К тому же нельзя не заметить, что духовное завещание по своему смысловому наполнению соответствовало традиционному элементу агиографической схемы – предсмертному прощанию и завещанию святого. Имеется в виду описание этикетной ситуации, когда житийный герой обращается с последним словом к своему окружению. В рассмотренных (и подобных им) жизнеописаниях церковных иерархов функцию этого топоса выполняет составленное перед кончиной духовное завещание, которое органично встраивается в агиографическое повествование, представляя собой документальное свидетельство последней воли житийного героя. При этом усложняется композиционная структура текста, расширяются границы его смыслового пространства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Морковина О.В. К вопросу о взаимоотношении древнерусской литературы и деловой письменности. Жанр завещания // Исторические и литературные памятники «высокой» и «низовой» культуры в России XVI–XX вв. Новосибирск, 2003. С. 3–31.
2. Морковина О.В. Проблема взаимоотношения литературы и деловой письменности в традиции древнерусского завещания: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2005.
3. Демкова Н.С. Жанр «духовных грамот» и развитие автобиографического повествования в литературе «переходного периода» (вторая половина XVII – начало XVIII вв.) // Проблемы литературных жанров: материалы Четвертой межвуз. науч. конф. Томск, 1983. С. 23–24.
4. Понырко Н.В. Житие протопопа Аввакума как духовное завещание // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 39. С. 379–387.
5. Лилиенфельд Ф. О литературном жанре некоторых сочинений Нила Сорского // ТОДРЛ. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 80–98.
6. Гурьянова Н.С. История и человек в сочинениях старообрядцев XVIII в. Новосибирск, 1996.
7. Демкова Н.С. Духовная грамота волоколамского книжника XVI в. Евфимия Туркова // ТОДРЛ. СПб., 1999. Т. 51. С. 342–356.
8. Исаченко Т.А. «Духовное завещание» и другие малоизвестные документы Евфимия Чудовского // Книга. Исследования и материалы. М., 1994. Сб. 69. С. 171–179.
9. Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Тексты и комментарии: в 3 т. / изд. под руководством акад. Н.Н. Покровского. М., 2008. Т. 2.
10. Прохоров Г.М. Поэтическое приложение к Духовной грамоте митрополита Киприана // Памятники переводной и русской литературы XIV–XV веков. Л., 1987.
11. Лихачев Д.С. Развитие русской литературы X–XVII веков: эпохи и стили. Л., 1973.
12. Салмина М.А. Сказание о последних днях митрополита Макария // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2: Вторая половина XIV–XVI в. Ч. 2. С. 385–386.
13. Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1988.
14. Древняя российская вивлиофика. СПб., 1774. Ч. 4. С. 111–139.
15. Панич Т.В. Духовное завещание патриарха Иоакима // Русский мир в мировом контексте: сб. стат. и материалов Всерос. заоч. науч. конф. с междунар. участием «Человек и мир человека». Рубцовск, 2012. С. 207–227.
16. Каган М.Д. Житие Иоакима патриарха // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1992. Вып. 3 (XVII век). Ч. 1. С. 351–355.
17. Панич Т.В. Житие патриарха Иоакима (вопросы атрибуции, истории текста и литературной специфики памятника) // Традиции отечественной духовной культуры в нарративных и документальных источниках XV–XXI вв. Новосибирск, 2010. С. 41–94.
18. Панич Т.В. Житие патриарха Иоакима: особенности композиции (к вопросу о специфике агиографического жанра в XVII в.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 3. С. 50–53.
19. Панич Т.В. Послание Игнатия Римского-Корсакова Афанасию Холмогорскому о смерти патриарха Иоакима (автор как рассказчик и участник описываемых событий) // Сибирь на перекрестке мировых религий: материалы межрегион. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2011. С. 121–127.

Статья поступила
в редакцию 28.02.2013